Babr24.com

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ПОЛИТИКА, РОССИЯ 2466 24.10.2011, 13:08 246

"Милиция деградировала на моих глазах"

Участковый с 18-летним стажем — о том, как и почему МВД сгнило изнутри.

Коррумпированные, жестокие, продажные, неэффективные милиционеры — в идеале именно они должны были покинуть систему МВД в ходе тотальной переаттестации.

Именно ее эффективность виделась главным условием успеха всей реформы МВД. Потому что бессмысленно менять структуру, функции, полномочия, принимать новые законы, если их будут исполнять старые люди. Но чуда не произошло. Много где процесс чистки пошел не по принципу «хороший — плохой» полицейский, а по принципу «преданный — самостоятельный», «угодный — неугодный». Это подтверждает пример воронежского участкового Романа Хабарова. Уволившись из полиции, он откровенно рассказал «РР» о том, как сегодня функционирует правоохранительная система и почему нынешняя реформа недостаточно радикальна.

Мы познакомились с Романом на конференции в Москве. Тогда я поймал себя на мысли, что это не может быть взаправду — настоящий мент сидит напротив меня и рассказывает о проблемах демократии в России. «Наверное, — подумал я, — это какая-то белая ворона, случайно залетевшая в монолитные ряды наших правоохранительных органов». Однако это не так.

Роман попал в милицию в 1993 году — не сумел с первого раза поступить на юрфак и решил получать юридическое образование в школе милиции. С тех пор он 18 лет рыл носом грязь воронежских дворов: сначала следователем, затем более 14 лет участковым — разнимал семейные драки, закрывал наркопритоны, охотился за грабителями, разбойниками и убийцами. То есть делал обычную каждодневную милицейскую работу. В 2007 году, ведомый исключительно любопытством, он стал участвовать в мероприятиях воронежской Школы публичной политики — одного из последних осколков фонда «Открытая Россия» Ходорковского. Съездил на несколько конференций в Москву.

Как рассказывал сам Роман, тот факт, что милиционер интересуется демократией, настолько изумлял всех, что ему выделяли гранты на зарубежные поездки почти автоматически. Так Совет Европы пригласил его в Страсбург, а затем он съездил в Вашингтон и Сент-Луис, где ему устроили визит в местное управление полиции. «Я много раз приглашал поучаствовать моих коллег, но они только отмахивались, — рассказывает Роман. — Уж не знаю, природная лень это или страх, как бы чего не вышло».

И, как оказалось, они были правы.

Что значит быть милиционером

— В начале 90-х МВД совершило две крупные кадровые ошибки. Первая — стали брать в милицию людей, не служивших в армии. И сразу школы милиции из мест, куда люди шли учиться, превратились в отмазку от армии. Я поступил в школу милиции в 93-м — первый год, когда туда стали принимать не отслуживших в армии. И нас, служивших, было всего треть курса. Со мной учился весь милицейский блатняк города: сын начальника областного ГАИ, сын начальника отдела кадров ГУВД, племянник директора рыбокомбината.

Понятно, что сразу вырос конкурс. И сразу поступать стали за взятки. Раньше в голову не могло прийти брать с милиционера деньги за поступление в школу милиции. Потому что туда, наоборот, мало кто стремился — большинство тех же пэпээсников совершенно не рвались на офицерские должности, потому что это был совсем другой уровень ответственности. Но как только школы милиции заполнили блатными, поступление стало платным.

Вторая кадровая ошибка — в милицию стали брать сокращенных из армии офицеров. В чем разница между милиционером и военным? Милиционеров всегда учили общаться с людьми, а офицеров учили командовать солдатами. А ведь солдат срочной службы имеет меньше прав, чем заключенный. И когда военные пришли в милицию, с этого и началась большая часть милицейского беспредела.

Как раз в это же время много опытных милиционеров ушло в околокриминальные структуры, службы безопасности, ЧОПы, адвокатуру. Ядро фактически пропало. Его сменили те самые мальчики, которые поступили в школу милиции за деньги, и бывшие военные.

Никогда милиционеры не отличались кристальной честностью, но никто не приходил в милицию лишь зарабатывать. Кстати, интересно смотреть, как на протяжении времени менялась милицейская терминология. Раньше, в 90-х, если была проблема — уголовное дело, административный материал, — то люди приходили к милиционеру «решать вопрос». С 2002-го это начало называться «отжать» — милиционеры начинали отжимать деньги.

Это совершенно разные вещи. Вопрос можно было не решать, и тогда дело шло своим чередом. Но никто специально уголовное дело не создавал: не находили наркотики по заказу, не приходили с проверкой, чтобы взять пакет с водкой. А недавно к нам пришел мальчик после школы милиции, и первый вопрос, который он задал, — «Скажите, где здесь у вас чего можно нахлобучить?»

Я говорю: «Ты понимаешь, что ты спрашиваешь и у кого? А вдруг весь отдел знает, что я — лучший друг начальника ОСБ (отдел собственной безопасности. — "РР")? И, во-вторых, с чего ты взял, что тебе кто-то про свои теплые хлебные места вдруг расскажет? То есть я тебе должен бы сказать: "Ты знаешь, вот здесь вот водкой торгуют, платят тысячу рублей в месяц, здесь наркотиками торгуют, платят двадцать тысяч рублей в месяц"? Иди сам работай. Позволяют тебе твои моральные принципы брать — будешь брать, позволяют тебе профессиональные навыки добиться, чтобы тебе платили, — будут тебе платить».

Моральный дух МВД с каждым месяцем все ниже, хотя иногда кажется, что ниже некуда. В либеральных кругах есть такое распространенное мнение, что милиция — это такая оккупационная армия преступного режима. Но вот полицаи при немцах — они точно знали, что служат фюреру и великой Германии. А спросите у этих «оккупантов» — они себя сами считают армией режима? Нет. Они думают, что они — самая кинутая властью часть общества. С одной стороны, милиционеры всегда во всем виноваты, с другой — у них никаких прав нет, а с третьей — с них все равно требуют исполнения каких-то обязанностей, неважно, каким путем.

А часто получается так, что выполнять свои реальные обязанности по защите прав граждан милиционер может только незаконным способом.

Допустим, если мы приезжаем на семейный конфликт, где муж бьет жену, никаких полномочий у милиционера его задерживать нет, потому что это дело частного обвинения. Жена должна подать заявление мировому судье, суд возбудит уголовное дело, и его осудят. А в квартире нам его задерживать не за что: общественный порядок не нарушался. Но бывает так, что не задержать нельзя: уедешь, а он ее убьет. Тогда можно его задержать — написать, что ругался на улице матом.

У нас раньше на убийство приезжал следователь из прокуратуры и говорил: «Вы по мелочи (мелкое хулиганство, ст.20.1 КоАП РФ. — «РР») пока оформите убийцу, а я с утра его арестую». То есть напишите, что он на улице ругался матом. А ведь если про убийцу можно написать, что он ругался матом на улице, — значит, можно и про кого угодно. И весьма значительная часть милицейского беспредела основана на том, что милиционер по закону не имеет возможности сделать то, что должен. Милиционер поставлен в положение, когда он работу должен сделать, но при этом нарушая закон.

Поэтому милиционеры находятся в состоянии перманентного когнитивного диссонанса. В этом смысле я, кстати, за гражданского министра. Потому что разрабатывать критерии и пути реформы должны именно представители общества и государства при консультационном участии сотрудников МВД, но без права их решающего голоса. Потому что если ты дослужился до майора — ты как человек, способный объективно оценить ситуацию, закончился. Профессиональная деформация с тобой уже произошла, ты можешь искренне желать хорошего, но ты за хорошее принимаешь уже то, что тебе хорошо.

«Вихрь-антитеррор»

— Милицию погубил «Вихрь-антитеррор». До того как начались взрывы домов в Москве, у нас была нормальная милицейская работа. То есть уголовный розыск бегал, ловил жуликов, я мог себе позволить целый день просто обходить участок и вечером доложить об этом начальнику, а он не требовал, чтобы я обязательно раскрыл какое-то преступление. Сейчас я даже боюсь себе представить выражение лица начальника, прежде чем он начнет громко ругаться матом: «То есть это как это просто ходил и с людьми разговаривал?! И что же ты находил?!»

Когда после взрывов домов в Москве первый раз ввели «Вихрь-антитеррор», мы двенадцать часов в сутки

работали. Преступность реально упала процентов на тридцать-сорок, потому что мы всех судимых отрабатывали, всех охотников проверяли — нет ли у них незарегистрированного оружия. Тогда было очень много оружия изъято из незаконного оборота, и это были реальные факты.

Руководству это понравилось — гляньте, какие показатели! И «Вихрь» стали растягивать на месяцы. И, кстати, вал отчетов, ежедневных справок появился именно тогда. А поскольку никакой форсаж не может длиться постоянно, все поняли, что, вместо того чтобы бегать и реально проверять охотников, можно написать справку, что ты их проверил.

И когда теперь министр докладывает, что столько-то единиц боеприпасов изъято из незаконного оборота, я догадываюсь, что 80–95% этих боеприпасов сами милиционеры принесли на то место, где они их «нашли», и что большая их часть — это патроны от автомата Калашникова или от пистолета Макарова.

Как это устроено? Допустим, прихожу я к тебе и говорю: «Давай ты как будто нашел патрон и мне его выдал». Ты освобождаешься от ответственности, потому что ты добровольно выдал имеющийся боеприпас, у тебя нет преступления. А мы изъяли боеприпас из незаконного оборота — все счастливы. А министр потом доложит где-нибудь, что мы изъяли тысячу боеприпасов. Может, кто-то и правда думает, что нашли фугасы, но большая часть изъятого — это патроны. Мы одно время все патроны «находили» сознательно на участке одного коллеги, потому что по другим делам толку от него не было. И какие-нибудь органы должны были бы поинтересоваться: почему в этом месте столько патронов от Калашникова находят? Не поинтересовались.

Реформа МВД

— Когда объявили о реформе, я относился к этому с романтическим энтузиазмом, даже замечания к закону «О полиции» писал на специальном сайте. Но когда его приняли, стало понятно, что все, реформа проваливается. Закон не сказать, что плохой, — он кодифицировал все, что милиция и так делала. Если цель была такая, то это хороший закон. Если цель была реформировать эту службу, то он вообще никакой.

Когда я поставил крест на законе, то стал ждать штатного расписания. Но и этот рубеж обороны благополучно сдали: ничего не изменилось, все, кто сидел и ничего не делал, — все остались. По указу президента центральный штат МВД — более девяти тысяч человек. Я, честно, не знаю, что все эти люди могут делать, какую реальную работу. А девять тысяч — это десять полноценных ГУВД.

Нынешнее руководство гордится тем, что повышает зарплаты. И действительно, для Воронежа оклад в 33 тысячи рублей для только что пришедшего лейтенанта — это много. Я со своим 18-летним стажем в милиции и 14 лет участковым получал 19 тысяч. Есть такая идея, что, получая такие деньги, сотрудник МВД будет ими дорожить и не будет нарушать закон. Думаю, это — миф. Я могу точно утверждать, что если сохранится нынешняя система отчетности, то с повышением зарплаты полицейского беспредела станет только больше. Потому что останется человек на работе или нет, зависит не от того, как он выполняет закон и свои обязанности, а от отношения к нему начальства. В новом законе «О полиции», кстати сказать, возможностей уволить подчиненного у начальника гораздо больше, чем было раньше. Так что исполнение приказов будет на первом месте.

Вот простой пример. Когда 1 марта вступил в действие закон «О полиции», наше начальство просто с ума посходило и заявило: кто в этом месяце не раскроет наркотики, тот в полицию работать не пойдет! То есть еще аттестация даже не проводилась, а они это твердо заявили. И, естественно, для многих встал вопрос: где взять эти наркотики? Настоящих наркоманов на всех не хватит — значит, надо их кому-то подкинуть.

Сейчас человек, думая, подкидывать или не подкидывать наркотики, рискует десятью тысячами в месяц. То есть не подкинет — будет плохая отчетность и его уволят. Но, в принципе, десять тысяч он может заработать и в другом месте. А когда ему повысят зарплату, он уже будет рисковать 30 тысячами в месяц. Ну, а если зарплата у него будет 100 тысяч в месяц, он у директора школы наркотики найдет.

Вообще, очевидно, что на каком-то уровне начальство перестает понимать реальные процессы, которые происходят в системе. И я пока не могу понять на каком. Ведь эти люди тоже работали когда-то «на земле».

Наркотики

— На самом деле наркотики подкидывают редко. Хотя бывает и такое: подберут пьяного, он приходит в себя, а у него уже при понятых наркотики изымают. Был случай, сотрудники вообще хитро сделали: оформляют человеку хранение наркотиков, он отказывается, они предлагают ему закурить — а там конопля. Повезли его на освидетельствование, а у него канабиноиды в крови. Но переборщили — как раз той дозы, которую он

скурил, у них не хватило для уголовного дела.

Но чаще, когда необходимо выполнить план по раскрытию, договариваются. Особенно линейные отделы — транспортная милиция — этим грешат, потому что где у них там, на вокзале, наркоманов найти? Они ездят «по земле», договариваются с бомжами: «Даем тебе 500 рублей, находим у тебя наркотики. Ты получаешь свои полгода условно, тебя все равно не сажают, а мы получаем премию — и всем хорошо». Ко мне ребята из ЛОВД иногда приезжали и говорят: «Ром, где у вас тут бомжи в подвалах живут — нам опять показатели нужны».

Если подбрасывают наркотики, то так, чтобы чуть превысило дозу, по которой можно дело возбуждать. Просто смешно. До 2004 года дело возбуждали при наличии более 0,1 грамма марихуаны. И тогда у задержанных изымали 0,2–0,3 грамма. Потом норма выросла в 200 раз, стало 20 грамм. Сразу стали находить по 22–23 грамма. Что любопытно, с 6 мая 2004 года решение вступает в силу — и уже с 8 мая изымают бóльшие дозы. И пусть мне кто-нибудь объяснит, почему это вдруг жулики-наркоманы стали так внезапно носить больше? Специально, чтобы уголовное дело на себя повесить? Причем если 6 грамм — это примерно сигарета, то есть можно представить, что у человека такая доза есть с собой, то 20 грамм конопли — это правда много. Потом норма стала 6 грамм. Теперь изымают по 6,5–7 грамм, а по двадцать уже почти не находят.

Почему так делают? Потому что у нас вся работа в показатели превратилась. Есть план: в месяц «сделать» пять дел по наркотикам — к концу месяца у пяти человек найдут коноплю. Как ее будут находить, неважно.

Я говорю про коноплю, но по наркотикам у каждого региона своя специфика. У нас в Воронеже мало тяжелых наркотиков, потому что город нищий. У нас героин изымают два-три раза в год, и это для города событие. А показатели-то все равно нужны. А в общей статистике неважно, что было изъято — героин или конопля. Мне рассказывали, что иногда милиционеры сами ездят собирают коноплю у нас в пригороде. И якобы были случаи, когда их там ловил наркоконтроль с видеокамерой. Во смеху было!

Потом конопля удобна тем, что сама растет. В последнее время прокуратура на каждый факт задержания с наркотиками старается возбудить дело по статье «сбыт». Даже если наркоман говорит: «Я нашел», — они считают: ведь кто-то сбыл. У них — галочка, у нас — нераскрытое преступление. А про коноплю всегда можно сказать: «собрал в поле». И все — съездили, осмотрели это поле, составили протокол.

Я однажды делал такой осмотр зимой. Холод, снег. Где эта конопля росла? Но в протоколе пишем: «Местом происшествия является поле в районе села Масловка на расстоянии таком-то от дороги, в поле грунт покрыт снегом. Присутствующий при осмотре такой-то показал, что именно тут летом он собрал коноплю». Все довольны.

Места, где торгуют наркотиками, как правило, хорошо известны. Но как все происходит на практике? Появляется, допустим, точка. Во-первых, того, кто торгует, уголовный розыск берет на связь. Абсолютно все барыги стучат, и даже многие оформлены как агенты. Потом «из-под него» начинают задерживать тех, кто у него покупает, с наркотиками. Набирается некоторое количество фактов хранения наркотиков. А потом барыгу арестовывают и на нем самом делают «сбыт». В тот период, когда покупателей задерживают, а самого торговца не трогают, с него уголовный розыск может брать не только информацией, но и деньгами. Это не изменилось. Просто раньше это могло длиться полгода, могло — год.

А то, что они не сразу закрывали точку сбыта, всегда объяснялось так: «Ну, а чего жалеть наркоманов». Никто же не думает, что твоему брату или сыну продадут. Следователь или опер исходит из того, что покупают деградировавшие, опущенные наркоманы — и хрен с ними, чем быстрее они исколются, тем лучше. Закрыли — появляется другая точка. И все заново.

Я иногда с уголовным розыском конфликтовал, говорил: «Ребята, для того чтобы этот барыга не торговал, я день простою у его квартиры, второй. Понятно, что он за железной дверью, я к нему не пробьюсь, но я буду просто каждого наркомана заворачивать — и больше никто к нему не пойдет». После таких разговоров начальник уголовного розыска выходил на начальника участковых и объяснял: мол, точку мы не закрываем исходя из «оперативных целей». И я уже ничего сделать не мог.

Участковый вообще не может закрыть точку сбыта наркотиков. Его компетенция — притоны, там, где употребляют наркотики. Когда появился Госнаркоконтроль, закрывать их стало проще. Если участковому для возбуждения дела надо три раза в одной квартире задержать наркоманов и доказать, что хозяин имел с этого выгоду, то наркоконтролю так можно сделать всего один раз.

Но наркоконтролю тоже отчетность нужна. Поэтому у меня были случаи, когда выявляли притон там, где,

конечно, жили нехорошие алкоголики, но вообще в жизни ни одного наркомана не было. Мне как участковому это было в минус. Поэтому я тогда звонил дознавателю из ФСКН и говорил: «Значит, давайте договоримся — мы вам формальный ответ пошлем, мол, провели профилактическую работу, строго указали и тэ пэ, а вы возражать не будете. Потому что, если вы будете возражать, я всех соседей опрошу и докажу, что там в жизни никогда наркоманов не было. И тогда объясняйте, как они туда попали».

Пытки

— Бьют жуликов в полициях всего мира. Речь не идет о том, что взяли человека и начали его бить ногами от скуки или чтобы он взял на себя чужое преступление. Случаи, когда «давай этого возьмем, его изобьем и на него повесим», мне лично не известны. Если такое и есть, то, наверное, в отношении совсем уж деклассированных элементов, тех же бомжей. Тут весь вопрос в том, что такой «преступник» ненадежен, он может на следствии отказаться от всех показаний, сказать, что его били, а уж на суде — точно.

Поэтому если взяли человека, которого подозревают в убийстве, то его бьют не для того, чтобы он сказал: «Я убил», — а чтобы сказал, куда ножик дел, которым зарезал.

Вот пример. Человек задержан за разбой. Опера с ним «работали», и три раза он давал ложные сведения о том, где спрятал похищенное. Мы туда приезжали, он выходил из машины и кричал родственникам: «Меня убивают, спасите!» С боями отбивали его, увозили обратно. Снова они его там пытали-пытали. И только на четвертый раз он рассказал, в каком погребе спрятано. Если бы не били, никогда бы это преступление не раскрыли.

Или еще. Выезжаем ночью, в переулке шум и крики. Я, опер и водитель бежим туда. Навстречу мужик с баулом. Берем его. Из переулка выбегает женщина, кричит: «Милиция!» А милиция уже тут! Выясняется: шел наш жулик, трижды судимый, смотрит, сумка на машине, он ее — дерг. У машины сигнализация сработала. Он бежит, сигнализация орет, за ним люди бегут. Рассказывает: «Я, товарищ начальник, ничего не делал. Иду я, значит, догоняю мужика с сумкой, он говорит: “Друг, хочешь червонец заработать?” Я говорю: “Да”. — “Помоги мне сумку донести”. И мы идем. Вдруг шухер, крики. Он — в переулок, а на меня менты выбежали».

Сидим на первом этаже в кабинете участковых, а розыск у нас на втором. Кстати, в милицейских отделах розыск, как правило, занимает самый высокий этаж — чтобы крики были меньше слышны. Я говорю: «Слушай, ну ты ведь три раза сидел уже, ты же понимаешь, что сейчас бить будут?» — «Понимаю». — «Ну, и какой смысл? Время — час ночи. Давай, ты показания даешь, и все ложатся спать». — «Нет», — говорит. Опера забрали его, через час приводят, он пишет явку с повинной. Я говорю: «Ну, вот стоило оно того?». — «Я думал, выдержу!» Вот позиция жуликов, которых приходится бить: некоторые из них думают, что выдержат.

Часто изобретаются специфические ноу-хау, не только классический противогаз применяют. Например, в одном подразделении милицейском был снаряд, который назывался «славка». Это была сваренная из металлических уголков реально скамейка, в смысле без спинки, где привязывали человека за руки к одной стороне. Одну ногу прицепляли к одной ножке, а потом перекидывали веревочку и другую ногу тянули за эту веревочку, растягивая ему пах. Это жутко больно. При этом никаких следов не оставляет. В чем главное достоинство (я сейчас говорю о технологии, а не о законности или нравственной стороне, потому что понятно, что это абсолютно незаконно)? В том, что причиняется непрерывная боль. А непрерывная боль отличается от той, что бывает, когда вас бьют. Вас ударили, а потом не бьют — у вас есть время собраться. Снова вдарили, снова не бьют. А когда непрерывная боль, то у тебя нет возможности даже думать: весь мозг поражен только одним — вот этой болью, и тем, как сделать все, чтобы ее не стало.

Да, бывают в милиции и патологические садисты, которые делают это, потому что им нравится людей бить. Особенно этим грешат всякие военные и омоновцы, которые переходят в розыск. У нас был один такой — бил, пока кто-нибудь не придет и не заберет у него задержанного: «Хорош ерундой заниматься».

Но, повторюсь, в большинстве случаев милиционеры, которые бьют, исходят из внутреннего убеждения, что перед ними преступник.

Бывают, конечно, ошибки. У меня на территории как-то убили одиннадцатилетнюю девочку. Двенадцать ножевых ранений нанесли, раздели полностью и украли 50 тысяч рублей. Возникло подозрение, что это совершила группа наших несовершеннолетних. И вот их очень жестко отрабатывали: выбивали двери ночью дома, забирали, били жестоко. Дело вела областная прокуратура. Пришли их мамы ко мне, говорят: «Вы же наш участковый, защитите нас». Я говорю: «Мне вас что, от областной прокуратуры защитить? Я что —

должен прийти к следователю прокуратуры и сказать: я гарантирую, что это не они»?

И я им сказал: «Вы в Воронеже не найдете по этому поводу правды. Потому что, как только вы станете рассказывать, что ваших детей били, вам скажут: вы хотите, чтобы извергов, которые такое сотворили, мы пожалели за то, что их отшлепали оперативники? Поэтому езжайте выше, где это не имеет такого общественного резонанса». А потом нашли настоящего преступника.

Статистика и приписывание

— Показатели — вот что убивает все МВД, вот главная причина деградации. Потому что неважно, что ты реально делал, важно, какие у тебя показатели. А как делаются показатели?

Ну, например, часто жулики берут на себя чужое. С ними чаще всего договариваются — кому-то наркотики приносят, кому-то еще что-нибудь. Есть задержанный за 20 доказанных квартирных краж. И вот его возят из СИЗО по всем отделениям милиции, в результате краж оказывается семьдесят. Потому что украл он на пять миллионов или на пятьдесят — ему же все равно: он никогда не выплатит эти деньги никому. А на срок это не влияет: ему и так по максимуму лет восемь дадут — хоть двадцать, хоть сто будет краж.

И все все понимают, даже судья, как правило. Но формальности же все соблюдены. Преступления как бы раскрыты.

Еще часто пишут явки с повинной, сидя в зонах. Потому что, во-первых, это для заключенного развлечение — это же тебя из зоны вывезли, вокруг тебя опера танцуют: «Сережа, скажи, а вот это не ты сделал? А может, это тоже?» Сережа, естественно, спрашивает: «А что мне за это будет?» — «А чего тебе надо?» — «Мне выпить и с девушкой встретиться». И вот тебе, пожалуйста, выпить, вот закусить, вот девушка в РОВД приходит. Свидание в СИЗО или в тюрьме — это какая-то невероятная вещь, а тут — пожалуйста. Ведь если какая-то женщина пришла в РОВД, она же не к нему пришла, кто знает, что она там у опера в кабинете делает. И опять всем хорошо: и Сережа отдохнул, и раскрытие есть.

Прямо на моих глазах МВД как функционирующая структура деградировало, уничтожалось изнутри. Я помню, у меня участковые поймали бомжа, который где-то украл мобильный телефон. Вечер. Начальник службы участковых говорит: «А я же велел кражу из магазина раскрыть». Знаете, кстати, как они «раскрываются»? Берут человека, того же наркомана, говорят: идешь туда, берешь вот это, а на выходе мы тебя задерживаем.

А еще можно «сделать» грабеж. Для этого нужно, чтобы человек, держа в руках бутылку, в открытую бежал через кассу. А на выходе его уже участковый ждет — опа, грабеж раскрыт! Восемь лет назад такого вообще не было, нам и в голову не могло такое прийти.

У меня есть знакомый опер — специализируется на раскрытии квартирных краж. Он рассказывал, что, когда приезжал на происшествие, всегда в ходе осмотра какую-нибудь незначительную, но приметную вещь — ножичек, старые часы типа «Победы» — тайком уносил с собой. Такую, что и ценности особой не представляет, и в то же время потерпевший опознает и скажет: точно мое. А потом, когда жулика находили, у него это «изымали» — и все, доказательства существуют. И потерпевший доволен — ну как, его вещь у преступника нашли.

И так будет всегда, пока будут считаться цифры. Сотрудник может быть хорошим, может быть плохим, но все, что может быть укрыто, он будет укрывать, потому что это — логика его работы.

Как оценивать работу милиции

— С тем, что нынешняя форма отчетности — главная причина деградации МВД, соглашаются все, но правда и то, что большинство милиционеров искренне не понимают, как их самих оценивать по-другому.

Я про это много думал и точно знаю, как можно оценить работу двух служб — ППС и участковых. Пэпээсников — по числу уличных преступлений в районе патрулирования. Понятно, что вы можете быть в одном месте, а на человека напали в другом. Но это один случай, а статистика за месяц все равно даст информацию к размышлению, поможет установить, что, ребята, вот почему-то, когда вы дежурите, тут все время грабят. Два варианта: либо вы не дежурите, либо содействуете. Эта система оценки не вызовет практику отказов в возбуждении уголовного дела. Ведь если меня здесь избили и ограбили, то писать заявление я приду не к ним, а в РОВД, и патрулирующие никак не могут повлиять на то, заявит человек о преступлении или нет. А в РОВД его примут, потому что оценивать по этому заявлению будут не тех, кто принял, а постовых.

Знаю, как выстроить систему оценки работы участковых: только путем опроса населения. У нас есть два единых дня голосования в стране — зимой и весной. Какие бы выборы ни были — ну, добавьте еще один листик к бюллетеням, пусть народ оценит работу участкового. Это пока еще не выборы участкового, но тоже полезно было бы.

Но я знаю, почему этого не будет сделано: а как потом уволить участкового, которого 90% населения оценило хорошо? В нашей, милицейской среде очень часто говорят: да все алкоголики, дебоширы будут против. Я говорю: «На каждого алкоголика, который против тебя проголосовал, будет целая его семья, которая за тебя, если ты к нему меры принимал. И наоборот, если ты приходил к Васе и говорил: “Васек, да чего ты, да ну, бабы — дуры”, — конечно, этот Васек будет за тебя. Но все эти “бабы-дуры” — они против тебя проголосуют».

Вот как уголовный розыск оценить, я пока не придумал. Но это технический вопрос. Есть способ, когда начальник должен сам оценить работу своих подчиненных. Но нынешним нашим начальникам я боюсь такое доверять, потому что, если только от них будет зависеть, каким полицейский будет считаться — плохим или хорошим, там такое начнется…

Переаттестация

— Кто непосредственно отвечал за переаттестацию — это одна из самых больших загадок. Когда мы задавали вопрос, а кто, собственно, писал этот аттестационный лист, нам говорили: это ваши руководители. При этом начальник отдела, который на меня вроде составлял аттестацию, сам не был аттестован на свою должность.

На милицейских форумах много пишут о каких-то чуть ли не взятках в процессе аттестации. Но, допустим, назначение на должность участкового или оперуполномоченного в Воронеже никогда не было денежным делом. То есть никогда в отделах кадров за назначение на такую должность денег не просили, потому что, в отличие от ГАИ, на эти должности никогда особенного конкурса не было.

С другой стороны, у меня товарищ в ОБЭП работает, он говорит: вот наши уэсбэшники (сотрудники управления собственной безопасности. — «РР»), условно говоря, 200 тысяч рублей просят за аттестацию. Это, как правило, касается гаишников и оперуполномоченных по линии экономических преступлений — против них ну обязательно что-нибудь будет. Там, по слухам, скандал был на аттестации какого-то омоновца или собровца. Уэсбэшник встал и говорит: у нас против него есть оперативная информация, что он там чего-то нехорошее делает. А он в ответ говорит: а у меня против любого из вас есть информация. И, значит, вроде поскандалил, а потом его молча заочно аттестовали.

У большинства аттестация проводилась именно в заочной форме. Твой руководитель представляет на тебя характеристику, ее обсуждают, и все — утверждают или не утверждают. Но некоторых вызывали на комиссию. Меня, например.

После первой части разговора попросили выйти. И там заместитель начальника городского управления по кадрам — я это уже потом узнал — озвучил, что вот нам из ФСБ пришла информация, что он ездил за границу и продал родину. Я уже после переаттестации добрался до какого-то там начальника отдела ФСБ, который курирует милицию, и он сказал: «Нам ваша аттестация до лампочки, мы ей не занимаемся. Никаких бумаг мы не направляли. И вообще, если бы мы имели информацию, что ты продал родину, мы бы не стали твоему начальнику об этом сообщать, а сами бы тебя арестовали».

Но тогда я вернулся на аттестацию, и у меня спросили: «Какие у вас политические взгляды?» Я говорю: «Демократические». — «А что такое демократия?» Хорошо, рассказал там что-то, что это власть народа. Они дальше: «Как вы относитесь к политическим партиям?» — «Ни в одной не состою». — «А вы за границей были?» — «Да».— «И где?»

И я рассказал: во Франции в прошлом году, в этом году в США. «А как вы туда попали?» Я рассказал, что есть программа «Открытый мир», совместная российско-американская, начинал ее академик Дмитрий Лихачев. «А академик Лихачев ее как частное лицо начинал или как кто?» — спрашивают. Я говорю: «Ну, надо было спросить, наверное. Только он умер. Но я знаю, что программа легальная, меня Московская школа политических исследований номинировала на поездку». — «А что это за организация такая?» Рассказываю. «А кто ее учредители?» — «Не знаю». Это потом я посмотрел попечительский совет: Косачев, Маргелов, Лукин (соответственно председатель комитета по международным делам Госдумы; председатель комитета Совета Федерации по международным делам; уполномоченный по правам человека. — «РР»). Хотя я подозреваю, что большинство из этих людей даже не знают, кто такой Косачев.

А одна дама, что сидела в зале, и говорит: «Это, наверное, что-то типа семинаров “Орифлейм”». Ну, а главный вопрос, который комиссию возбудил, — почему вот вам прислали приглашение, а нам не прислали?

В итоге не аттестовали меня. Говорят: «Вас даже с должности когда-то снимали». Я говорю: «Ну, это было в 95-м году, когда я учился в школе милиции. У нас группа курсантов сбежала, и ясно, что все наряды наказали и меня тоже. А школу я потом окончил с красным дипломом». «Да, это мы видим, — отвечают, — но ведь был же такой факт». И потом, говорят, у вас взысканий больше, чем поощрений.

«Вор должен сидеть в тюрьме»

— У нас живут по морали, а не по закону. И в этом смысле фильм «Место встречи изменить нельзя» нанес огромный, непоправимый вред всей милиции. В книге ведь, если «Эру милосердия» почитать, Жеглов — почти отрицательный персонаж, отживающий тип опера, а Шарапов — образец милиционера нового времени. Но Высоцкий за счет своей харизмы все перевернул. И во многом деградация нашей милиции происходила из-за убежденности в верности формулы «Вор должен сидеть в тюрьме»: неважно, какой там закон, какие формальности, — должен сидеть.

В УПК прописано, что все люди, принимающие процессуальные решения, — судьи, следователи, прокуроры — оценивают доказательства «по внутреннему убеждению». Это правовой термин. Так и у нас. Есть внутреннее убеждение. И есть преступления, которые милицейская мораль не признает преступлениями. Бить жулика — не преступление. А разве Жеглов совершил преступление с точки зрения морали, когда подкидывал кошелек Кирпичу? На милицейском форуме опрос проводился: 75% действующих сотрудников милиции ответили, что прав Жеглов, а Шарапов неправ. То есть нарушить закон напрямую с хорошими целями можно, с плохими целями — нельзя. Но мы же понимаем, что хорошая цель или плохая, таким образом, определяю я сам.

И есть несколько психологических стадий, по которым идет трансформация сотрудника милиции.

Первый шаг: ловим карманника, который успел выкинуть украденный бумажник. Просто берем и кладем ему его назад — ведь если не положить, то дела не будет, суд тебе не поверит.

Второй шаг: вообще-то он карманник, но мы его никак поймать не можем, поэтому берем и подкладываем ему кошелек. Логика: а что, позволять, чтобы он и дальше людей обирал?

Третий шаг: он не карманник, вообще-то, а педофил или преступный авторитет — его же надо как-то в тюрьму сажать. И мы ему подкладываем кошелек. Или гранату. Преступных авторитетов всегда брали с гранатами или пистолетами. У нас был реальный процесс: человека взяли из дома в майке и шортах. Мне опера рассказывали, что трижды эта граната выпадала. Он уже с загнутыми руками, ему опер за пазуху кидает гранату, говорит: «Понятые, посмотрите!» — и не успевает ее снизу прихватить, и она выпадает. И только на третий раз сначала ему майку прижали, а потом кинули гранату. Дело было летом, а суд был зимой. На суд ему адвокат принес ту одежду, в которой он был, и говорит: «Если сейчас этот сотрудник покажет, где хранилась граната у человека, то мы признаемся». В итоге человека оправдали. Но при этом огромное количество преступных авторитетов реально пересажали именно таким способом.

Четвертый шаг: он не преступник, но, вообще-то, сволочь, грязный негодяй — подкидываем ему наркотики.

И самый последний этап: он не преступник, но он мне должен денег, он обидел мою девушку, он залил мою квартиру, он не отдал долг моей маме — он должен сидеть в тюрьме.

Если от первого шага посмотреть — до последнего, кажется, пропасть. А пошагово дорога проходится легко. Порог переступания через закон очень низкий, не только в милицейской среде, а вообще в народе.

Источник: Улан-Удэнский городской портал.

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ПОЛИТИКА, РОССИЯ 2466 24.10.2011, 13:08 246
URL: https://babr24.com/?ADE=98946 Bytes: 35409 / 34930 Версия для печати Скачать PDF

Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- *Телеграм*
- *ВКонтакте*

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур Скальский**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

Подробнее о размещении

Отказ от ответственности

Правила перепечаток

Соглашение о франчайзинге

Что такое Бабр24

Вакансии

Статистика сайта
Архив
Календарь
Зеркала сайта